

Л. Калюжная

Иван Алексеевич Бунин (1870—1953)

Ивана Бунина можно назвать последним представителем той эпохи в отечественной культуре, которую мы называем классической, пушкинской. Он пришел в русскую литературу на рубеже веков, когда в жизнь врываются новые ритмы, образы, кумиры, когда рвалась связь времен. Он, русский аристократ, остался верен своей родовой культуре. Очень точно подметил одиночество Бунина в этих «вихрях враждебных» Георгий Адамович: «Ему кажется прекрасным и глубоко основательным то, что связь никогда не рвется, что человек остается человеком, не мечтая стать ангелом или демоном, ему уныло и страшно в тех вольных, для него безумных блужданиях по небесному эфиру, которые соблазнили стольких его современников. Вражда Бунина ко всем без исключения «декадентам» именно этим, конечно, и была внушена».

Иван Алексеевич Бунин появился на свет 10 (22) октября 1870 в Воронеже. Отец его происходил из старинного дворянского рода, давшего России немало видных деятелей, как государственных, так и в области искусства, среди которых особенно известны два поэта начала прошлого века: Анна Бунина и Василий Жуковский — незаконный сын Афанасия Бунина и пленной турчанки. Мать писателя принадлежала к древней дворянской фамилии Чубаровых.

Ко времени появления Ивана семья была почти разорена. Отец, человек одаренный (Бунин писал о нем: «...И отец мой мог стать писателем: так сильно и тонко чувствовал он художественную прозу... таким богатым и образным языком говорил»), но абсолютно не склонный к ведению хозяйства, барственный и расточительный, прожил и свое, и материнское наследство. В семье было девять детей, в живых осталось пятеро.

Иван Алексеевич получил бессистемное, но как нельзя более подходящее поэтической натуре образование. Детство его прошло на воле — в поместьях отца с крестьянскими ребятишками из бывших бунинских крепостных; с ними он разделял и забавы, и сельские заботы.

«Я еще мальчиком... — вспоминал Бунин, — слышал от моего отца и о Льве Толстом, с которым отец, тоже участник Крымской кампании, играл в карты в осажденном Севастополе, слышал о Тургеневе, о какой-то встрече отца с ним где-то на охоте... Я рос в средней России, в той области, откуда вышли не только Анна Бунина, Жуковский и Лермонтов... но вышли Тургенев, Толстой, Тютчев, Фет, Лесков... И все это: эти рассказы отца и наше со всеми этими писателями общее землячество, все влияло, конечно, на мое прирожденное призвание».

Воспитателем его был человек весьма своеобразный. Сын предводителя дворянства, бывший студент Лазаревского института восточных языков, он пристрастился к выпивке и превратился в странника по городам и весям, где время от времени подрабатывал гувернерством. Был он человеком необычайно талантливым — играл на скрипке, сочинял стихи, рисовал, знал несколько языков. Привязавшись к своему воспитаннику, рассказывал ему бесконечные истории из своей скитальческой жизни, страшные и таинственные. Читать он его выучил по «Одиссее» Гомера, но особенно упирал на знание латыни. Бунин опишет его — «этого странного человека, похожего на Данте» — в рассказе «У истока дней». На одиннадцатом году Ивана отдали в Елецкую гимназию, однако к новой жизни привыкнуть он не смог, выдержав всего четыре года. «...Я стал хворать, таять, — вспоминал Бунин, — стал чрезмерно нервен, да еще на беду влюбился, а влюбленность моя в ту пору, как, впрочем, и позднее, в молодости, была хотя и чужда нечистых помыслов, но восторженна. Дело кончилось тем, что я вышел из гимназии».

Словом, он был поэт — свобода и любовь. Дело оставалось за стихами, и они появились. Надо сказать, что довершил его образование старший брат Юлий, тоже человек довольно яркий. К тому времени он закончил университет, отсидел год в тюрьме из-за политических воззрений и на три года был сослан в елецкую деревню Озерки, где находилось имение бабушки и где в ту пору жили Бунины. Вместе с братом Иван прошел весь курс гимназии. Кроме того, Юлий познакомил его с основами психологии, философии, но чаще всего случались у них беседы о литературе. Старший брат разглядел поэтические склонности мальчика и поощрял его литературные увлечения.

Стихи Бунин начал писать в отрочестве, подражая Пушкину, а больше Лермонтову. «Самому мне, кажется, и в голову не приходило быть меньше Пушкина, Лермонтова, — вспоминал писатель, — ...и не от самомнения, а просто в силу какого-то ощущения, что иначе и быть не может».

С девятнадцати лет нужда заставила Бунина работать — корректором, газетным репортером, театральным обозревателем, библиотекарем, статистиком....

Первое его стихотворение появилось в петербургском журнале «Родина» в 1887, а поэтический сборник вышел в 1891. Классические по стилю стихи — на фоне декадентских новаций — дали повод в первой же рецензии обвинить его в подражании Фету и получить совет «заняться лучше прозой». И действительно, Бунин прославился как прозаик, хотя до конца дней своих ревниво считал себя прежде всего поэтом.

В воспоминаниях о нем, в переписке писателя можно встретить немало запальчивых бунинских мнений о двух первых поэтах России XX столетия — Блоке, чью поэзию он называл «мистической цыганщиной», и Есенине, на стихи которого, даже будучи в очень преклонных годах, сочинял ядовитые пародии: «Папа бросил плести лапоть, / С мамой выскочил за тын, / А навстречу мамы с папой / Их законный сукин сын!» Возможно, Бунин считал, что они заняли то место на поэтическом Олимпе, которое по праву должно принадлежать ему. Но это уже был спор века уходящего, классического, с веком новым, возбужденным, расхристанным, слушающим «музыку революции».

Впрочем, новые веяния не прошли и мимо Бунина — в 1893–1894 он пережил увлечение толстовством и даже «прилаживался к бондарному ремеслу» (почти как Горький). Он посетил колонии толстовцев под Полтавой и Сумами, затем совершил паломничество к Толстому, но великий старец отговорил его «опрощаться до конца». Бунин отправился путешествовать по Украине. «Я в те годы был влюблен в Малороссию, в ее села и степи, жадно искал сближения с ее народом, — вспоминал он, — жадно слушал песни, душу его». К слову, многие русские писатели начинали свой путь в литературу на украинских шляхах, возможно, надеясь, что великая тень Гоголя их там благословит...

С 1895 Бунин живет в Петербурге и Москве, где знакомится с Чеховым, Бальмонтом, Брюсовым, другими известными писателями.

Впервые опубликованный в столичном журнале рассказ «На краю света» (1895) был замечен влиятельными критиками, предсказавшими автору большое будущее. Известность пришла к нему после публикации рассказов «На хуторе», «Вести с родины», темами которых были голод 1891 и эпидемия холеры 1892.

Познакомившись в 1899 с Горьким, он начинает сотрудничать с ним в издательстве «Знание» (революционной ориентации), вокруг которого объединились «передовые» писатели: Серафимович, Леонид Андреев, Скиталец, Вересаев, Мамин-Сибиряк и др. Однако их взгляды не вызвали у Бунина сочувствия. Как не вызывало сочувствия и все то, что происходило в России.

Среди бумаг Бунина сохранилась запись, сделанная, видимо, уже в эмиграции, где он передал атмосферу предреволюционного возбуждения: «С начала нынешнего века началась беспримерная в русской жизни вакханалия гомерических успехов в области литературной, театральной, оперной... Близился большой ветер из пустыни... И все-таки — почему же так захлебывались от восторга не только та вся новая толпа, что появилась на русской улице, но и вся так называемая передовая интеллигенция — перед Горьким,

Андреевым и даже Скитальцем, сходила с ума от каждой новой книги “Знания”, от Бальмонта, Брюсова, Андрея Белого, который вопил о «наставшем преобращении мира», на эстрадах весь дергался, приседал... с ужимками очень опасного сумасшедшего, ярко и дико сверкал восторженными глазами? “Солнце всходит и заходит” — почему эту острожную песню пела чуть не вся Россия, так же как и пошлую разгульную “Из-за острова на стрежень”? Скиталец, некое подобие певчего с толстой шеей, притворявшийся гусяром, ушкуйником, рычал на литературных вечерах на публику: “Вы — жабы в гнилом болоте!” и публика на руках сносила его с эстрады; Скиталец все позировал перед фотографами то с гусями, то в обнимку с Горьким или Шалапиным! Андреев все крепче и мрачнее стискивал зубы, бледнел от своих головокружительных успехов; щеголял поддевкой тонкого сукна...»

Иван Бунин публикует «Антоновские яблоки», «Сосны», в которых недвусмысленно высказывает свои опасения за судьбу России в связи с разорением дворянских гнезд и опролетариванием крестьян. Эти и другие рассказы принесли ему славу, и в 1909 Российская академия наук избирает его в число двенадцати Почетных академиков.

Пережив два бурных, но неудачных брака — с Варварой Пашенко и Анной Цакни — в 1906 Бунин познакомился с Верой Николаевной Муромцевой, дочерью члена Московской городской управы и племянницей председателя Первой Государственной думы С.А. Муромцева. Вскоре они совершили путешествие в Египет, Сирию, Палестину и после этого больше не расставались. Вера Николаевна оставалась женой и верным другом Бунина до его смертного часа, несмотря на все сложные личные перипетии писателя. Она же оставила бесценную книгу воспоминаний «Жизнь Бунина. Беседы с памятью».

В предреволюционные годы Бунин создает свои знаменитые произведения: повесть «Деревня» (1910), в которой показывает, «во след Радищеву», деревенскую жизнь без всяких прикрас, тем самым споря с идеализацией крестьян народниками, которые провоцировали «бунт бессмысленный и беспощадный». Повесть вызвала большие споры, многие находили ее слишком мрачной и обвиняли автора в клевете на русский народ. Далее Бунин публикует повесть «Суходол» (1912), рассказ «Господин из Сан-Франциско» (1915).

Как дворянин и представитель классической русской культуры, Бунин не принял революцию. По свидетельству Веры Николаевны, он говорил, что «не может жить в новом мире, что он принадлежит к старому миру, к миру Гончарова, Толстого, Москвы, Петербурга; что поэзия только там, а в новом мире он не улавливает ее». В мае 1918 вместе с Муромцевой он покидает Москву. Около двух лет они живут в Одессе, переходящей из «белых» в «красные» руки. «Зрелище это было совершенно нестерпимо для всякого, кто не утратил образа и подobia Божия, — вспоминал писатель, — и из России бежали все имевшие возможность бежать». Позднее он передал свои впечатления в книге «Окаянные дни» (1925–1926), увидев в революционной стихии образ зверя.

Бунин с женой эмигрировали и с 1920 поселились в Париже, а затем переехали в Грасс, небольшой городок на юге Франции. Об этом периоде их жизни (до 1941) можно прочесть в талантливой книге Галины Кузнецовой «Грасский дневник». Молодая писательница, ученица Бунина, она жила в их доме с 1927 по 1942, став последним очень сильным увлечением Ивана Алексеевича. Бесконечно преданная ему Вера Николаевна пошла на эту, может быть, самую большую жертву в ее жизни, понимая эмоциональные потребности писателя («Поэту быть влюбленным еще важнее, чем путешествовать», — говаривал Гумилёв).

Андрей Седых, журналист, близко общавшийся с Буниными, в своих воспоминаниях пишет: «У него были романы, хотя свою жену Веру Николаевну он любил настоящей, даже какой-то суеверной любовью. Я глубоко убежден, что ни на кого Веру Николаевну он не променял бы. И при всем этом он любил видеть около себя молодых, талантливых женщин, ухаживал за ними, флиртовал, и эта потребность с годами только усиливалась».

Автор «Темных аллея» хотел доказать самому себе, что он еще может нравиться и завоевывать женские сердца...» Хотя и признавал, что с Галиной Кузнецовой у Бунина был «серьезный и мучительный роман». Он завершился драматически для писателя.

В эмиграции Бунин написал такие шедевры прозы, как повесть «Митина любовь» (1925), рассказы «Роза Иерихона» (1924), «Солнечный удар» (1927) и роман с автобиографическими чертами «Жизнь Арсеньева» (1933), который Марк Алданов назвал «одной из самых светлых книг русской литературы» со времени кончины Льва Толстого.

К началу 1930-х Бунин обретает европейскую известность. В 1933 ему, первому из русских писателей, была присуждена Нобелевская премия по литературе — «за строгое мастерство, с которым он развивает традиции русской классической прозы».

В Швецию на торжества по случаю вручения Нобелевской премии Бунина сопровождали Вера Николаевна, Галина Кузнецова и Андрей Седых в качестве личного секретаря, поскольку Бунины не справлялись с лавиной поздравительной корреспонденции со всех концов света. «Должен сказать, — пишет Седых, — что успех Буниных в Стокгольме был настоящий. Иван Алексеевич, когда хотел, умел привлекать к себе сердца людей, знал, как очаровывать, и держал себя с большим достоинством. А Вера Николаевна сочетала в себе подлинную красоту с большой и естественной приветливостью. Десятки людей говорили мне в Стокгольме, что ни один нобелевский лауреат не пользовался таким личным и заслуженным успехом, как Бунин».

Из премиальной суммы Иван Алексеевич выделил 100 000 франков на пожертвования неимущим писателям-эмигрантам, для распределения денег был создан специальный комитет. Разумеется, были и обиженные. Надежда Тэффи пустила остроу: «Нам не хватает теперь еще одной эмигрантской организации: «Объединения людей, обиженных Буниным».

В 1934–1936 берлинское издательство «Петрополис» выпустило 11-томное собрание сочинений Бунина. Сквозь «железный занавес» книги писателя неведомыми путями проникали на Родину (в Советской России издавать Бунина начали во времена Н.С. Хрущева), и в Советском Союзе у него появилось немало почитателей даже среди литературно-номенклатурной элиты, велись и переговоры коего возвращения. Однако этот путь для себя Бунин отверг.

Последний сборник рассказов «Темные аллеи» был написан в оккупированной немцами Франции. Над всей Европой витал дух смерти, а из-под пера пожилого, голодающего писателя появлялись его лучшие рассказы о любви. Наверное, это объяснимо. Как мысль человека в его последний час влечет в дорогие сердцу места, так и художественный гений Бунина перенесся на родину, в дореволюционное время, в ту Россию, которую он любил. Это обостренное чувство позволило писателю передать предощущение надвигающейся катастрофы в самом сокровенном — в любви, которая в его «Темных аллеях», как правило, мгновенна, внезапна, откровенна (как в последний день) и почти всегда кончается трагически.

В последние годы Бунин работал над воспоминаниями о Чехове. С ним он подружился в 1899 и с тех пор почти ежегодно навещал его в Ялте, останавливаясь в чеховском доме. Буквально в последние часы жизни Бунина 8 ноября 1953 Вера Николаевна перечитывала ему вслух письма Чехова к нему... Так что уходил Иван Алексеевич в иные пределы не из Франции, а из России, там витала его прощальная мысль.

У Бунина есть удивительное стихотворение, написанное в тот год, когда он покинул Россию, и предсказавшее странствия его души:

И цветы, и шмели, и трава, и колосья,
И лазурь, и полуденный зной...
Срок настанет — Господь сына блудного спросит:
«Был ли счастлив ты в жизни земной?»

И забуду я все — вспомню только вот эти
Полевые пути меж колосьев и трав —
И от сладостных слез не успею ответить,
К милосердным коленам припав.

В завещании Иван Алексеевич высказал желание, чтобы лицо его было закрыто — «никто не должен видеть моего смертного безобразия». Видела его только Вера Николаевна, и в письмах друзьям сообщала, что все три дня до предания тела земле «лицо его было прекрасным». Похоронен Бунин на кладбище Сент-Женевьев-де-Буа под Парижем.

Его юношеские предчувствия сбылись — сегодня он стоит в первом ряду русских классиков.